

**FRIEDRICH NAUMANN
FOUNDATION** For Freedom.

Российская Федерация

РАЛЬФ ДАРЕНДОРФ

Восемь заметок о популизме

МОСКВА
2019

**FRIEDRICH NAUMANN
FOUNDATION** For Freedom.

Российская Федерация

РАЛЬФ ДАРЕНДОРФ

Восемь заметок о популизме

**МОСКВА
2019**

УДК 323.282:341.231.4
ББК 66.043.3
Д 74

*Благодарим леди Кристиану Дарендорф и г-на Клауса Неллена
из Института гуманитарных наук (Вена), бывшего издателя журнала «Транзит»,
за разрешение опубликовать этот текст на русском языке*

Дарендорф, Ральф

Д 74 **Восемь заметок о популизме** / Ральф Дарендорф ; пер. с нем.
М. Гринберга. — Москва : Сектор, 2019. — 32 с.

ISBN 978-5-9905530-2-6

Ральф Дарендорф (1929–2009) посвятил всю свою жизнь преодолению разрыва между гражданами и властью. Он был убежден, что наиболее эффективный способ борьбы с популизмом — публичное и аргументированное обсуждение реальных проблем, существующих в обществе.

Более 15 лет назад Дарендорф написал статью, характеризующую опасности, которым подвергает парламентскую демократию как правый, так и левый популизм. Надеемся, что его полемическое сочинение, нисколько не утратившее актуальности, найдет достойный общественный отклик.

УДК 323.282:341.231.4
ББК 66.043.3

ISBN 978-5-9905530-2-6

© «Транзит», текст, 1983
© Марк Гринберг, перевод, 2019
© Вера Ундриц, фото
© Томас Имо, фото
© Штефан Кюглер, фото
© COMDOK GmbH, дизайн
© Фонд Фридриха Науманна, 2019

Содержание

Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ _____	6
Карл-Хайнц Паке ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ _____	10
Р. Дарендорф ВОСЕМЬ ЗАМЕТОК О ПОПУЛИЗМЕ _____	14
ОБ АВТОРЕ _____	30

ЗАЩИТА ДЕМОКРАТИИ И ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Предисловие к русскому изданию

Жизнь Ральфа Дарендорфа была разделена между наукой и политикой. Он хотел понять, как функционирует человеческое общество, и одновременно, в силу своего свободолюбивого характера, стремился делать все, чтобы свобода каждого отдельно взятого человека была защищена и, если нужно, поддерживалась государством. На всех занимаемых постах — а он был ректором Лондонской школы экономики, депутатом бундестага от Свободной демократической партии Германии и членом Палаты лордов Великобритании от либеральных демократов,

комиссаром Европейского экономического сообщества по вопросам торговли, председателем правления Фонда Фридриха Науманна — Дарендорф неизменно выступал в защиту либеральной демократии и открытого общества. Пятнадцать лет назад, в момент создания «Восьми заметок о популизме», автор не мог представить себе в полном объеме сегодняшние вызовы, когда социальные сети в интернете часто выступают в роли мощного усилителя влияния популистских идей. Но если внимательно прочитать эти заметки Дарендорфа и сопоставить заключенные в них идеи с его политической деятельностью, можно получить исчерпывающие ответы на вопросы, связанные с «сетевой демократией», основой которой и служат социальные сети.

Политическая деятельность Дарендорфа — образец взвешенного, конструктивного и, вместе с тем, мужественного противостояния популизму. В 1968 году значительная часть студентов Западной Германии

попыталась путем уличных демонстраций и сидячих акций протеста совершить «революцию», добившись фундаментальных изменений в обществе, государстве и экономике. Выдвигаемые ими требования носили радикальный марксистский характер, и либералы в этой ситуации оказались между двумя фронтами — революционной молодежью, с одной стороны, и консервативной элитой, с другой. Когда в том же году Герхарт Баум, тогдашний председатель молодежной организации СвДП, пригласил Руди Дучке, лидера революционеров, участвовать в дискуссии, намеченной в рамках партийного съезда свободных демократов во Фрайбурге, конфликт, можно сказать, был запрограммирован. Дучке объявил о своем намерении огласить марксистский манифест, после чего руководство СвДП отозвало приглашение. Ральф Дарендорф был единственным из верхушки свободных демократов, кто выразил готовность вступить в публичный диалог с Дучке на крыше автобуса, припаркованного перед зданием, где проходил съезд. После этих бурных дебатов политические обозреватели единодушно признали, что Дарендорф своими точно сформулированными вопросами как бы раздробил обобщенный радикальный призыв Дучке на составные части. Важно, что Дарендорф не только вышел из этой дискуссии победителем, но и показал на практике, как люди либерально-демократических убеждений должны вести диалог с молодыми революционерами.

Либеральная демократия — это демократия, подчиняющаяся четким правилам; ее главная цель — защита прав и свобод каждого гражданина. Основной закон Германии и Конституция Российской Федерации представляют собой именно либеральные своды правил. Российская конституция провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В немецком Основном законе мы находим схожую формулу: «Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти».

Противоположностью либеральной демократии является тоталитарная диктатура, лишаящая отдельно взятого человека прав и свобод. Как писал Карл Поппер, на чьи идеи ориентировался Ральф Дарендорф, такая диктатура может возникать из благих намерений: «Попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции»¹. Дарендорф, однако, считал, что успешно действующим демократиям тоже постоянно угрожает соблазн, исходящий от популизма с его упрощенными рецептами, которые могут привести к вырождению демократического строя. Об этом прямо сказано в его пятой заметке: «Популизм прост, демократия сложна».

Популизм, по мнению политолога Франка Декера, «не вполне свободен от идеологии»². Вопрос, является ли популизм своеобразной идеологией, Дарендорф оставляет открытым. Можно определить популизм как «фрагментарную идеологию» (*thin-centered ideology*), поскольку его идеологическое ядро сводится к противопоставлению хорошего и неиспорченного народа, с одной стороны, и плохой, коррумпированной элиты — с другой³. Из этой вертикальной дихотомии можно сделать вывод, что политика должна быть выражением «воли народа»⁴. Правый популизм дополняет эту вертикальную дихотомию горизонтальной: она разделяет общество на коренной, неиспорченный народ и «других», которые не принадлежат или не причисляются к титульной нации.

1 K. Popper. *Die offene Gesellschaft und ihre Feinde*. Band II, Mohr/Siebeck. Tübingen, 1992. Далее: Popper, Karl, *Die offene Gesellschaft und ihre Feinde*. [Русское издание: Карл Поппер. *Открытое общество и его враги*. Т. II. С. 274. Перевод с англ. под общей редакцией В. Н. Садовского]

2 F. Decker. *Parteien unter Druck: Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien*. Opladen, 2001. S. 28.

3 L. P. Rensmann. *Populismus und Extremismus-Politikwissenschaftliche Modelle und vergleichende Analyse neuer politischer Akteure in der Europäischen Union*. Ludwig-Maximilians-Universität München, Sommersemester 2005.

4 Ibid.

Характеризуя популизм в своих «Заметках», Дарендорф не использует сложные научные дефиниции. Напротив, он пытается объяснить по возможности просто, что такое популизм и какие вызовы для демократии заключает в себе это явление.

Перспектива, заданная использованием обиходного языка, позволяет Дарендорфу лучше описать суть популизма; в то же время он предостерегает от поверхностного применения этого понятия, поскольку сам упрек в популизме может носить популистский характер и даже становиться «демагогической подменой аргументации». Как и в своей практической деятельности, Дарендорф исследует значение понятия не только для отдельных институтов, но и для общества в целом. «Либеральный порядок — это порядок, охватывающий всех граждан. Только в том случае, когда такой порядок установлен, можно говорить о свободном обществе»⁵, — пишет он в одной из своих лекций. Противопоставляя либеральный порядок иллюзорным попыткам «создать рай на земле», Дарендорф не закрывает глаза на то, каким сложным всегда бывает свободный выбор членов такого общества, далеко не исключающий возможные конфликты и неудачи.

Дарендорф знает, что либеральный порядок должен быть глубоко связан с жизнью и, кроме того, сохранять способность противодействовать тоталитарным и популистским соблазнам. Карл Поппер следующим образом описывает этот знаменитый парадокс либеральной терпимости в «Открытом обществе и его врагах» (1945): «Во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли»⁶.

5 R. Darendorf. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung: Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert. C.H. Beck. München, 2007. S. 137.

6 К. Поппер. Ук. соч. Т. I. С.329.

Для нас «Восемь заметок о популизме» остаются доказательством необходимости дифференцированного подхода к этому понятию и, в то же время, попыткой описать его суть простым и ясным языком. Дарендорф предостерегает нас от влияния демагогов и призывает ценить сложность демократии, несмотря на все ее несовершенства. Можно надеяться, что его короткий текст поможет всем нам укрепить нашу способность к рефлексии, а обществу в наших странах — более надежно защитить себя от тоталитарных и популистских поползновений.

*Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен,
руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Науманна*

Предисловие к немецкому изданию

В последнее время популизм стал настолько актуальным предметом дискуссий, что само это явление пытаются объявить едва ли не новой проблемой, характеризующей теперешнюю политическую ситуацию. Повсюду — в Германии, в Европе и в мире — демократия подвергается сильнейшему давлению со стороны новых партий и движений, во главе которых нередко стоят харизматические популистские лидеры, управляющие своими приверженцами железной рукой, и во многих странах их идеи, как ни печально, пользуются широким успехом.

Процессы, которые мы сейчас можем или, точнее, вынуждены наблюдать, — рост популярности «Альтернативы для Германии» (АДГ) у нас в стране, создание странных (лишь недавно распавшихся) правительственных коалиций в Австрии, перерождение бывших либералов в либеральных демократиях Восточной Европы, — качественно усилились. Сторонники открытого общества сталкиваются с серьезными институциональными и интеллектуальными вызовами.

Нельзя сказать, что популизм в политике представляет собой что-то новое. Необычно то, что популистам все чаще сопутствует успех. Именно поэтому «Восемь заметок» Ральфа Дарендорфа — текст, переиздаваемый нами без изменений, — имеет сегодня столь большое значение. Этот текст, впервые напечатанный в замечательном журнале «Transit», который в настоящее время, к сожалению, больше не издается, еще раз свидетельствует о проницательности и глубине мысли Дарендорфа, сохраняющей свою актуальность и в наши дни.

Многие вопросы, которыми нам приходится заниматься сегодня, Дарендорф осознавал и анализировал уже в 2003 году. Он понимал, что,

обсуждая проблему популизма, мы вступаем на крайне зыбкую почву, и отмечал это в первых же строках своей статьи: «то, в чем один человек видит популизм, другой считает демократией, и наоборот». Действительно, провести границу между предвыборными баталиями и демократией не так легко. В этой связи важна еще одна ремарка Дарендорфа: «Сам упрек в популизме может носить популистский характер, становясь демагогической подменой аргументации». Эта мысль вполне применима к навешиванию ярлыка «нациста» — средству, которое, на мой взгляд, слишком часто и слишком охотно пускают в ход, лишь способствуя тем самым дальнейшей поляризации общества.

Дарендорф ясно дает понять: популизм возникает тогда, когда «традиционные партии» начинают уклоняться от обсуждения тех или иных тем. Он приводит примеры, актуальные для 2003 года, но подобные темы легко найти и сегодня. Политик, не умеющий что-то объяснить людям и обходящий эту тему стороной, играет на руку великим упростиителям, которые берутся объяснять все на свете, нисколько не заботясь о правдивости и глубине сказанного. Такие упростиатели, пишет Дарендорф, появляются и справа, и слева.

Можно ли, как часто пытаются сделать в отношении АДГ, «разоблачить» популистов, заставив их нести политическую ответственность за предвыборную риторику? Дарендорф предупреждает: популисты пока не составляют парламентского большинства, но в этом кроется опасность. «В основе популизма лежит сознательная попытка упрощения проблем, — пишет он. — Как только популисты оказываются у руля, они пасуют перед сложностью ситуации». Эта растерянность, однако, далеко не сразу приводит их к отказу от попыток управлять. Гораздо чаще они реагируют на рост напряжения в обществе все более жесткими ограничениями свободы, нахальными политическими решениями и усилением идеологического давления, вплоть до того момента, когда их — если это еще возможно — отстраняют от власти на очередных выборах.

«Успех популистских движений всегда свидетельствует о слабости парламентов», — пишет Дарендорф. Ту же идею он выражает и в позитивной

форме, отмечая, что «доступно объяснять сложные взаимосвязи — одна из главных обязанностей лидеров демократических стран». Из статьи Дарендорфа видно, что в 2003 году он оценивал тогдашних политиков крайне критически, указывая, что «ползучий авторитаризм, характерный для современных демократий, фактически способствует популизму». Развивая его мысль применительно к сегодняшнему дню, можно сказать, что такие методы, как «политика, не предполагающая дискуссий», «асимметричная демобилизация» в ходе избирательной кампании и «безальтернативные решения», нисколько не помогают противодействовать популистским тенденциям, скорее наоборот. Мы нуждаемся совсем в другом: в идеях, повышающих привлекательность парламентской работы, в решениях, опирающихся на научные исследования и опробованных на практике.

Хотя за 15 лет, прошедших со времени публикации статьи, мир изменился, и заметки Дарендорфа следует рассматривать в соответствующем историческом контексте, они не только остаются совершенно справедливыми, но, как и раньше, имеют фундаментальное значение. Фонд Фридриха Науманна стремится содействовать решению проблемы, которую обозначил Дарендорф: «Научить людей жить, отдавая себе отчет в сложности мира, — возможно, самая важная цель демократически ориентированного политического образования». Именно с этой целью мы и публикуем размышления о популизме выдающегося либерального деятеля Ральфа Дарендорфа.

Желаю вам получить большое удовольствие от чтения!

*Карл-Хайнц Паке,
Председатель Правления Фонда Фридриха Науманна*

1

Уже само понятие популизма представляет трудность.

Это слово подразумевает, что в ссылках на народ есть что-то не совсем правильное. Оно явно несет в себе негативную оценку. Но разве не народ является сувереном, разве не он легитимирует демократию? Трудно отделаться от мысли: может быть, то, в чем один человек видит популизм, другой считает демократией, и наоборот?

Мы полностью одобряем действия политика, заявляющего по поводу какого-либо важного вопроса — войны в Ираке, введения евро, — что он намерен обсудить этот вопрос с людьми. Такой политик обычно организует ряд собраний, объясняет аудитории свое понимание проблемы и делает его предметом дискуссии. Мы до сих пор помним, как премьер-министр Великобритании Гладстон, желая оправдать английскую интервенцию, выступал перед избирателями с многочасовыми докладами о несправедливости, творящейся в далекой Болгарии. Гладстон поступал очень хорошо: это был пример истинной демократии. Или в его действиях все-таки была примесь популизма?

В то же время мы не одобряем политиков, пускающих в ход все доступные средства ораторского искусства, чтобы довести до исступления толпу. Это не так трудно сделать, даже не прибегая к «риторическому» вопросу Геббельса: «Хотите ли вы тотальной войны?» Достаточно односторонне представить чьи-нибудь насильственные преступные действия. Толпа почти мгновенно настраивается на погромный лад, заводится. В этом случае мы говорим о демагогии и о широком наборе методов, которым она располагает. Не всегда легко провести границу между демократией и популизмом, предвыборными дебатами и демагогией, дискуссией и словесной манипуляцией. Следовательно, применять эти понятия нужно с осторожностью. Сам упрек в популизме может носить популистский характер, становясь демагогической подменой аргументации.

2

Популизм спешат отождествлять с «правым популизмом».

Действительно, в представлении большинства это понятие связывается с новыми организациями правого толка, растущими в последнее время как грибы. На ум приходят Хайдер, Ле Пен, Шиль и, может быть, Меллерман. Здесь, однако, тоже требуется осторожность, поскольку даже среди наиболее преуспевших популистов не все легко поддаются классификации. Убитый в Голландии Пим Фортейн совершенно точно не был обычным «правым».

Причина, по которой популистов и правых политиков стригут под одну гребенку, заключается в том, что вопросы, муссируемые популистскими демагогами, относятся к числу классических тем правых партий. Сегодня к таким темам относятся прежде всего две: во-первых, законность и порядок; во-вторых, целый комплекс проблем, связанных с беженцами и мигрантами и отношением к ним в демократических государствах.

И в том, и в другом случае можно сделать вывод, помогающий объяснить успех популистов: эти темы не были бы столь взрывоопасными, если бы либералы и левые не боялись их касаться. Но поскольку либералы и левые стараются обходить их стороной, менее щепетильные политики при обращении к ним набирают очки. В результате само понятие «законности и порядка» сделалось элементом правого политического словаря, и это создает впечатление, будто либералы и левые готовы пассивно мириться с беззаконием и беспорядками.

Сам этот факт указывает на решение проблемы. Одной из сильных сторон «нового лейборизма» было то, что он, как минимум, попытался вырвать из рук правых щекотливую тему законности и порядка. Лозунг «*tough on crime, tough on the causes of crime*»¹ был удачным: он не отрицал необходимости карать правонарушения, но при этом подразумевал, что

1 «Бороться с преступностью, бороться с причинами преступлений» — лозунг, выдвинутый Тони Блэром в ходе избирательной кампании 1997 года.

не менее важна борьба с их причинами — бедностью и социальной эксклюзией. Аналогичные тенденции просматриваются сегодня и в вопросе о миграции. Вполне законно проводить различие между беженцами из Зимбабве и из Южно-Африканской Республики. Первые спасаются от режима, убивающего своих граждан, вторые бегут от конституционного режима. Нужно также задаться вопросом, сколько новых членов могут абсорбировать мигрантские общины, не утрачивая тех качеств, что сделали эти общины привлекательными для мигрантов.

Мы не должны отдавать обсуждение щекотливых пунктов политической повестки на откуп тем, кто хочет таким образом нажать демагогический капитал. В то же время невозможно отрицать, что благодушные ответы либералов и левых на вопросы, связанные с правопорядком и миграцией, оставляют желать лучшего. Опыт «нового лейборизма» показывает, что на практике проводить жесткую политику в отношении преступников гораздо легче, чем бороться с причинами преступности. Для такой борьбы требуется глубокое понимание проблем и большое упорство в их решении, а на это способен далеко не каждый политический деятель.

З

В борьбе с популизмом может помочь то обстоятельство, что популисты явно лишены способности к управлению.

Преимущество, которое популисты имеют над демократами во время избирательной кампании, быстро исчезает, когда успех на выборах перемещает их в министерские кресла. Здесь нет недостатка в свежих примерах: Лига Босси² в Италии, австрийская Партия свободы, партия Фортейна в Голландии, судья Шиль в Гамбурге — все они потерпели неудачу, как только пришлось претворять слова в практические действия.

Проблема отчасти кроется в личности этих политиков. Правопопулистские лидеры часто отличаются изменчивым характером — уже по этой причине, кстати, они не могут далеко продвинуться в «нормальных» партиях. Это маргиналы, привлекающие своей экзотичностью. За них голосуют, среди прочего, потому, что они не похожи на других.

Кроме того, популисты обычно не способны построить прочную политическую организацию. Их партии — это аморфные образования, включающие в себя немало других маргинальных фигур, лишённые программного ядра и организационной дисциплины. На примере этих образований можно до какой-то степени понять, для чего, в сущности, нужны политические партии.

Но прежде всего участие популистов в правительстве показывает, что их призывы вовсе не рассчитаны на конкретные действия. Популистские группы интересуются только протестом. Этот факт на самом деле не столь безобиден, как кажется. Всегда существует опасность, что подобные лидеры и группировки соблазнят так много избирателей, что смогут не просто войти в правительственную коалицию, но и возглавить правительство. В этом случае их целью будет уже не реализация программы реформ, а сосредоточение и удержание в своих руках как можно боль-

2 Умберто Босси — основатель и многолетний лидер партии «Лига Севера».

шей власти. Сравнительно безобидный пример — правительство Берлускони, использовавшее свою власть для того, чтобы трансформировать в собственных интересах правовую систему. В худшем варианте общество может получить закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, со всеми вытекающими последствиями. В этом отношении способность популистов к управлению представляет реальную опасность.

4

Не все темы, благоприятствующие популистской деятельности, являются исключительной вотчиной правых.

Процесс, обычно называемый глобализацией, порождает и другую, левую разновидность популизма. Примером левого популиста может служить немецкий социал-демократ Оскар Лафонтен. Показателен, кстати, тот факт, что он оказался в принципе неспособен управлять чем-либо, кроме небольшой земли Саар, которая известна своей развитой системой социального обеспечения. К этому же разряду принадлежат откровенно антикапиталистические левые партии в скандинавских странах и Голландии, в последнее время вернувшие себе симпатии избирателей.

В данном случае причину также следует искать в отказе традиционных партий обсуждать тему глобализации — или, по меньшей мере, отвести ей должное место в политической повестке. Эти партии неадекватно оценили неолиберальную реакцию на вызовы, исходящие от глобальных рынков, увидев в ней требование ничем не регулируемого и не ограниченного капитализма. Кроме того, они забыли, что хотя свобода ценится выше равенства, это вовсе не отменяет равных прав участия для всех граждан. Рынки были и остаются местом, где игра идет по правилам. Никакой группе лиц не позволено ограничивать основные права других людей; привилегии и рыночная конкуренция несовместимы.

5

Популизм прост, демократия сложна. Возможно, это важнейший отличительный признак, противопоставляющий два обсуждаемых нами типа отношения к народу.

Рассмотрим их противопоставление более подробно. В основе популизма лежит сознательная попытка упрощения проблем. В этом причина его привлекательности и рецепт его успеха. Растет преступность? Уже-сточим законы. В страну въезжает слишком много беженцев? Закроем въезд. Глобальный капитализм нас разоряет? Дадим по рукам глобальным капиталистам. Все очень просто.

На самом деле — не очень. Популисты обнаруживают это, как только оказываются у руля. Они пасуют перед сложностью ситуации. И принимают знаковые решения — укрепляют полицию, строят тюрьмы для нелегальных иммигрантов, произносят речи не в Давосе, а в Порту-Алегри³. Но ничто не помогает. Продраться сквозь беспросветные дебри проблем не удастся: такая задача по плечу не демагогам, а по-настоящему сильной личности.

Научить людей жить, отдавая себе отчет в сложности мира, — возможно, самая важная цель демократически ориентированного политического образования. В зрелых демократиях избиратели знают, что розовые мечты политических деятелей сбываются далеко не всегда. Слыша уверения, что к сентябрю правительство вдвое уменьшит число беженцев, а к следующей весне снизит на 20% показатели уличной преступности, они относятся к ним с изрядной долей скепсиса. Они убеждены, что причиной конфликтов является бедность в странах третьего мира, и понимают, что за один межвыборный период устранить эту причину невозможно.

³ Противопоставляются ежегодный Всемирный экономический форум в Давосе и Всемирный социальный форум антиглобалистов, состоявшийся в бразильском городе Порту-Алегри в январе 2001 года.

Жизнь действительно сложна, и, как правило, мы можем всерьез надеяться лишь на то, чтобы сделать шаги в нужном направлении.

Политики, чуждые популистским методам, сознают, насколько непроста сама эта задача. Они должны избегать чрезмерного упрощения ситуации и объяснять другим всю ее сложность. Именно в этом заключался смысл выступлений Гладстона, посвященных далекой Болгарии. В наше время таким же искусством пришлось с муками овладевать президенту Бушу и премьер-министру Блэру в ходе длительных дискуссий, предшествовавших войне в Ираке. Доступно объяснять сложные взаимосвязи — одна из главных обязанностей лидеров демократических стран.

6

Когда мы рассматриваем на этом фоне наши политические институты, первое, что приходит на ум, — это инструмент референдума.

Прежде всего речь идет о плебисцитах, имеющих юридически обязывающую силу. Они, по-видимому, могут служить инструментом демократии и использоваться в борьбе против популизма. Или, скорее, наоборот — использоваться как популистский инструмент, во вред демократии?

Эта тема — так уж устроен мир! — тоже сложна и не предполагает простых ответов. В качестве примера можно привести Швейцарию. Здесь мы имеем дело с особым случаем, поскольку Швейцария является не только референдумной демократией, но и страной, где существует уникальная традиция общественных дебатов, предшествующих всенародному голосованию. В обсуждении так или иначе принимает участие значительная доля избирателей – возможно, около 20%. Само по себе это не исключает использования популистской риторики — так, в настоящее время к ней прибегает Блохер, политик, представляющий Швейцарскую народную партию⁴, — но ограничивает ее воздействие. И все же мы вправе усомниться в том, что решение Швейцарии не входит в европейское экономическое пространство, отвергнув даже мягкую форму соглашения с Европейским Союзом, было достаточно обоснованным по существу. Может быть, в данном случае инструмент всенародного голосования был не самым удачным выбором?

Схожие проблемы, и даже в более острой форме, возникают в крупных странах, где нет аналогичных традиций. Когда в Великобритании на плебисцит выносится вопрос о присоединении к зоне евро, речь фактически идет о самых разных вещах – о популярности правительства, о гипотетических притязаниях немцев на доминирующее положение в Европе, о приверженности к национальным традициям и пр., и пр., — но, безус-

4 Кристоф Блохер — миллиардер, министр юстиции и полиции Швейцарии в 2004–2007 гг.

ловно, не о специфических последствиях валютного союза как такового. Возникает ситуация, как будто нарочно созданная для популистов.

По-видимому, нужно разработать специальную политическую теорию референдума, которая ограничит применение этого инструмента узким кругом вопросов, действительно представляющих общенациональный интерес. Частые, а тем более регулярные требования всенародного голосования в крупных странах сродни скорее популизму, чем подлинной демократии.

7

Заметки о популизме и демократии останутся недостаточно ясными, если мы не скажем несколько слов о парламенте — институте, который служит щитом демократии, защищая ее от популизма.

Популизм по своей сути — антипарламентское явление, хотя популисты и используют выборы в парламент, чтобы получить в свои руки рычаги власти. Успех популистских движений всегда свидетельствует о слабости парламентов. Парламентская, то есть представительная демократия, — это механизм, который трансформирует преобладающее общественное мнение в конкретные и реалистичные решения. Там, где этот механизм работает, нет места для великих упростиелей. Они остаются тем, кем и были, — людьми, для которых все просто и которых каждое воскресное утро можно видеть в Гайд-Парке, где они разглагольствуют в Уголке оратора.

Парламент выполняет три основные функции: это место для подробного обсуждения актуальных тем, место для принятия решений по итогам этих дискуссий и, что особенно важно, место, где решения принимаются не однократно, а на протяжении достаточно длительного периода времени. Парламент трансформирует настроения момента в долговременные решения. Эта его функция носит антипопулистский характер. Парламент по определению стоит на стороне демократии.

Сама эта картина, однако, грешит существенным упрощением. На деле парламенты всегда применяются к обстоятельствам и часто выполняют свои обязанности не в полном объеме. Они тоже могут поддаваться популистским искушениям — даже английская Палата лордов содействовала попытке протолкнуть за несколько дней антитеррористический закон. Сегодня, однако, слабость парламентов стала гораздо более серьезной проблемой, чем прежде. Повсюду исполнительная ветвь власти нашла способы при помощи досадных проволочек и помех ограничить свободу

действий парламента. Эти ограничения сопровождаются, как правило, прямыми апелляциями к «народу», в основном представленному телезрителями и, говоря более широко, потребителями. Ползучий авторитаризм, характерный для современных демократий, фактически способствует популизму.

Это большая и важная тема, для раскрытия которой требуется отдельный трактат. Пока же коротко заметим: остановить и, по возможности, обратить вспять процесс выхолащивания парламентско-демократических форм — одна из главных целей либеральной политики.

8

Парламенты существуют в национальных государствах и в их составных частях — землях и коммунах. В наше время, однако, пространства, в которых принимаются политические решения, стали более неопределенными.

Сегодня все чаще и с полным основанием говорят не о правительстве как таковом, а об управлении. Нами управляют, но при этом мы не можем в точности сказать, какие именно органы осуществляют управление. Более того, неопределенность власти существует на разных уровнях: от глобального до локального.

Это означает, что в самых разных местах возникли институциональные лакуны, пространства, для которых у нас нет демократических учреждений. В эти лакуны проникает бацилла популизма. Но важнее всего — общий разрыв между гражданами и властью. Проблема не только в недостатке доверия и участия, но и в недостатке информации, знаний. Из-за этого возникает спрос на всевозможные теории заговора, которые с давних времен любят использовать в своих целях популисты, и, далее, спрос на патентованные инструменты из популистского набора. Именно этот разрыв — огромная и, судя по всему, постоянная угроза для нашей свободы. Речь идет не только о дефиците демократии, который можно устранить, — речь идет о разрыве внутри самой демократии, для заполнения которого у нас недостает материала. Значит, и в проблемах, стоящих перед демократами, недостатка нет.

Об авторе

Лорд Ральф Дарендорф (1909–2009) был одним из наиболее известных и влиятельных социологов Германии и Великобритании, профессором социологии в университетах Гамбурга, Тюбингена и Констанца и ректором Лондонской школы экономики. Он занимал различные политические посты, в том числе — парламентского статс-секретаря по внешней политике, комиссара ЕЭС по внешним связям и внешней торговле, комиссара ЕЭС по науке и образованию.

Как действующий либеральный политик Дарендорф избирался депутатом парламента земли Баден-Вюртемберг, позже — депутатом бундестага. После переезда в Великобританию он вступил в партию английских либеральных демократов; в 1993 г. королева Елизавета II пожаловала ему дворянский титул, и Дарендорф стал членом Палаты лордов.

В 1967–1987 гг. Дарендорф занимал ведущие должности в Фонде Фридриха Наумана: сначала — заместителя председателя совета, затем — члена попечительского совета, а с 1982 г. — председателя совета Фонда.

Статья Дарендорфа о популизме была впервые опубликована в 1983 г. в журнале «Transit».

**РАЛЬФ ДАРЕНДОРФ.
ВОСЕМЬ ЗАМЕТОК О ПОПУЛИЗМЕ**

Ответственный за выпуск
М. Ледовский

Верстка
К. Бибо

Подписано в печать 23.09.2019

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Сектор»

